

Е. Г. Серебрякова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Несколько лет назад довелось мне познакомиться с американским коллегой, преподавателем одного из вузов. Тот с увлечением говорил о превосходстве российской системы образования, традиционно сильной личной и непосредственной связи педагога и учащегося. Только так, был убежден мой заокеанский собеседник, можно воспитать истинного профессионала. Нисколько не усомнившись тогда в справедливости этих слов, я и сейчас убеждена, что профессионализм передается «из рук в руки, из головы в голову». Ни книга, ни компьютер сами по себе не обучают, не дают ощущения радости открытия, обязательно нужен кто-то, однажды вдохновивший тебя на нелегкий труд поиска истины. Так на филологическом факультете учили и меня.

Филфак 80-х был полон талантами. Как девушки преимущественно романтические, мы в первую очередь обращали внимание на мужчин. Ими славилась кафедра русской литературы XIX века.

Александр Петрович Валагин, аристократично неспешный, артистично великолепный, завораживал нас своими лекциями. «И смолой, и земляничкой пахнет темный бор...» — читал он нараспев, окидывая нас взглядом из-под полуприкрытых век. И мы ошущали запах спелых ягод, прохладу леса, слышали шум ветра в высоте сосен. Кто очаровывал нас больше — Алексей Константинович или Александр Петрович? Пожалуй, все же последний.

Валентин Валентинович Инютин в те годы был начинающим преподавателем, недавним выпускником. Он казался нам ближе и понятнее маститых мэтров. И действительно, был демократичен и прост, зачастую непредсказуем в оценках знакомых произведений, неочевиден в комментариях.

Виталий Борисович Ремизов, ныне директор музея Льва Толстого в Москве, тогда был молодым кандидатом наук, всецело поглощенным исследованием творчества великого прозаика. Истинным толстовцем мы и воспринимали его. Как удивительно умел он чувствовать

каждое слово Толстого, проникать в глубину каждой фразы! Как удавалось ему увлечь нас способностью вести свой собственный диалог с великим собеседником!

На этом фоне Олег Григорьевич Ласунский казался почти незаметным. Мое полудетское изумление вызывало его поразительное чувство лекционного времени. Звучит последняя фраза финального предложения. Точка. Тут же звучит звонок. Сегодня я знаю эту профессиональную способность ориентироваться во времени, а тогда я всякий раз мысленно восклицала: «Вот это да!». Много позже мы узнали Олега Григорьевича как утонченного библиофила, глубокого краеведа, знатока и ценителя истории города.

Слинько Анатолий Александрович читал курс «Литературная критика». Сдержанно-точный в речах и оценках, он производил впечатление человека, привыкшего взвешивать каждое слово. Наша последняя встреча произошла незадолго до его кончины. У меня приближалась защита кандидатской диссертации, и за какой-то надобностью я заглянула на кафедру литературы XIX века. Узнали Анатолий Александрович меня как одну из своих многочисленных выпускниц, я не знаю. Но нашел для меня слова поддержки и пожелал успешной защиты. «Душа, крепясь, превозмогла предательскую немощь тела», — призналась когда-то О. Берггольц. То же мог бы сказать о себе Анатолий Александрович. Смертельный недуг не уничтожил в нем душевной щедрости, отзывчивости и доброты.

Венчал кафедру Борис Тимофеевич Удов. Именно таким, как он, представлялся мне всегда классический портрет профессора — высокий, осанистый красавец с гривой седых волос, откинутых назад. Он влиял в аудиторию и бархатным, раскатистым баритоном начинал неспешный, обстоятельный рассказ о столь любимом им Лермонтове.

Кафедра зарубежной литературы была, напротив, женской и по составу, и по характеру. На первом курсе нас встретила Тамара Александровна Комова, истинная правнучка Гоме-

ра, как я мысленно окрестила ее тогда. Лекции по античной литературе были вдохновенны. Узнав, что среди студентов-иностранцев на нашем курсе учится грек, она попросила его прочесть фрагмент «Илиады» по-гречески. Вероятно, это все же был новогреческий, а не язык «старца великого». Но для нас, неискушенных в языковых тонкостях, показалось, что мы услышали «умолкнувший звук божественной эллинской речи».

Но была на кафедре и та, кого мы не на шутку боялись, — Татьяна Львовна Гурина, читавшая XX век. Вижу как сейчас: она входит в аудиторию, пронзает нас взглядом и спрашивает тоном, не предвещающим ничего хорошего: «Кто ответит на вопрос, что такое *несобственно-прямая речь?*». Каково же было наше изумление, когда казавшаяся неприступной Татьяна Львовна пригласила нас домой для подготовки поэтического вечера зарубежной лирики XX века. Мы увидели комнату, где обитал человек вне быта: книги от пола до потолка, стеллажи вдоль всех стен... Как часто я видела потом такие дома филологов. Они всегда выдавали с головой самую суть своих хозяев: их мир никогда не был буржуазен, в нем стыдным считалось показное благополучие при интеллектуальной узости и духовной нищете.

Для подготовки вечеров поэзии к Татьяне Львовне в дом набивалось по полкурса. Думаю сейчас: мы так любили поэзию? Похоже, мы ее действительно любили, во всяком случае были весьма отзывчивы к поэтическому слову. Да и где, как не в поэзии, художественное слово находит свое полнейшее воплощение!

И вот однажды на таком домашнем вечере у Татьяны Львовны случилась со мной преглупейшая история. Явившись в тот день отчего-то позже всех, я увидела, что все уже при деле: сидят и чинно переписывают в тетрадки стихи из библиотеки хозяйки. А я, как назло, не взяла с собой ни клочка бумаги. Кто-то сунул мне в руки какой-то блокнот, и я, исписав его строчками Верлена и Рембо, захлопнула, сунула в сумку и ушла. Дома, раскрыв записи на первой странице, увидела: «22 ноября. Погода скверная, настроение паршивое...» Ужас, как пишут в романах, «объял меня с ног до головы!» Это был ДНЕВНИК Татьяны Львовны! Так вот, где я записывала чужие стихи! Как быть мне теперь! Как вернуть его хозяйке и разве поверит она, что я не прочла ни строчки из ее дневника! Я не спала всю ночь и на утро, едва жива, стояла на кафедре и слушала, как Татьяна Львовна делилась впечатлениями с Аллой Борисовной Ботниковой: «Представляете! Вчера! У меня были мои девицы! И кто-то из них! СПЁР мой ДНЕВНИК!!!». Утратив последние остатки смелости, я все же пролепетала, едва ворочая оледеневшим языком: «Татьяна Львовна, простите меня. Это была я!». Стоит ли говорить, что эта дурацкая история никак не отразилась на наших отношениях с Татьяной Львовной.

Сегодня она по-прежнему преподает, вот только не у нас, а на филфаке пединститута им. Герцена в Санкт-Петербурге. Несколько лет назад, приехав на конференцию в Петербург, я навестила Татьяну Львовну. Тогда она, указав на меня соседке, сказала: «Ко мне моя девочка-студентка приехала». И хотя уже давно никому не приходит в голову на-

Кафедра русской литературы XIX века

зывать меня ни «девочкой», ни «студенткой», я и вправду почувствовала себя в вчерашней школьнице.

Возглавляла кафедру Ботникова Алла Борисовна. Она представлялась нам гранд-дамой, взыскательной и требовательной. Такой и была на лекциях и экзаменах. И конечно, это была не вся правда. Мы постигали лишь внешнее — сдержанность, строгость. И каждый раз внутренне подтягивались, замечая на себе ее пристальный взгляд. Не так давно вышла книга воспоминаний Аллы Борисовны «В те времена...», в ней открывается человек удивительной душевной глубины и красоты.

Кафедрой советской литературы заведовал Анатолий Михайлович Абрамов. Вот уж кто разбивал до оснований наши представления об академизме! Стремительной походкой влетал он в аудиторию, взбирался верхом на стол и начинал не лекцию, а скорее, спектакль. Записывать его слова было невозможно, все равно, что пытаться зафиксировать на слух джазовую импровизацию, непредсказуемую по сюжету и незабываемую по виртуозности исполнения. Маяковский, Брики, Микеланджело, Гамзатов и многие другие, сменяя друг друга, пронеслись вихрем перед нашим взором. Он увлекал нас летучей мыслью, ассоциативно-образной речью, не любовью, а страстью к литературе.

Не удивительно, что вокруг исключительной личности группировались столь же яркие таланты. Виктор Михайлович Акаткин тогда не был деканом, ему еще предстояло взвалить на себя управление сложнейшим механизмом — факультетом. На его примере я сделала наблюдение, много раз проверенное с тех

пор: исследователь выбирает в качестве объекта изучения писателя, с которым в чем-то духовно схож. Центром притяжения научной мысли Виктора Михайловича был и остается А. Т. Твардовский. Принципиальность и честность главного редактора «Нового мира», как известно, снискала ему безусловный авторитет современников и вызвала раздражение начальников разных мастей и калибров. Виктору Михайловичу удается сохранить высокий профессиональный уровень филфака, несмотря на сменяющихся университетских руководителей и не слишком благоприятные для гуманитарных наук времена.

Тамара Александровна Никонova в 80-е годы приехала к нам из Липецка, где преподавала в университете. Мы были едва ли не первым ее выпуском воронежских филологов. Научная взыскательность Тамары Александровны проявлялась в тщательной продуманности лекций, в умении выделить из многообразного потока современной прозы действительно значимые имена. С той поры много воды утекло, на юношеские воспоминания наслоились более поздние. Случается, время искажает дорогой прежде облик, восторг, улетучиваясь, уносит и бывшее обаяние человека. Встречая Тамару Александровну сегодня, я каждый раз узнаю в ней ту самую, прежнюю, какой мы полюбили ее когда-то.

Тамара Сергеевна Осицкая обладала замечательным даром устного рассказа. Я помню ее мини-зарисовки, образные и красочные. После войны, рассказывала она, в их деревню с фронта вернулся священник. Он привез с собой трофейный велосипед — диковинку

Преподаватели кафедры советской литературы

для российской глубинки. Похоже, батюшка обладал весьма независимым нравом: ежедневно, украсив грудь боевыми наградами, он седлал заморского красавца и рассекал на нем окрестные просторы. Его борода лихо развевалась по ветру, а ряса хлопала, как крылья большой птицы. Уж сколько лет прошло, а я все вижу перед собой эту картину.

Удивительное, казалось бы, дело: я сохранила все лекции по советской литературе тех лет. Когда я перечитала их недавно, то обнаружила, что они вовсе не устарели, ни морально, ни информационно. В то идеологическое время наши преподаватели умели быть истинными профессионалами и не подменяли научный анализ политизированной демагогией.

Студенты советской поры, мы жили в широком поле литературы: оно включало в себя не только зарубежную и русскую словесность, но и литературу народов СССР. Этот курс читала Полина Андреевна Бороздина. Со времен молодости, проведенной в Ашхабаде, городе, подарившем ей главную встречу жизни с видным востоковедом, историком Ильей Николаевичем Бороздиным, Полина Андреевна питала особую сердечную склонность к литературе азиатских республик. А студенты из Средней Азии, обучавшиеся на нашем факультете, находили в ней не педагога, а надежного друга и советчика. До сих пор Полина Андреевна помнит их по именам и остается поверенной в семейных делах. Двери дома Полины Андреевны по сей день раскрыты для них.

Да, преподаватели филфака умели придать неформальный характер контактам со студентами. Переход из деловых отношений в личные совершался ими незаметно и совершенно органично. Мы были интересны нашим педагогам как неповторимые личности. Было ли это духом времени или рождалось из гуманистической сути профессии, сказать трудно, но для всех наших преподавателей мы были не подчиненными, а равными, достойными уважения собеседниками.

Куратор нашей группы Надежда Ильинична Копылова стала нам особенно близка. Мы частенько после занятий собирались все вместе, и Надежда Ильинична была на этих посиделках частым и желанным гостем. Она щедро одаривала каждую из нас шуточными стихотворными посланиями. Каждое попадало «в десятку», отражало самую суть адресата. Эти сюрпризы от Надежды Ильиничны становились своеобразной кульминацией вечера и придавали нашим встречам неповторимую домашнюю атмосферу.

Мужской состав кафедры теории литературы и фольклора, на которой трудилась

Надежда Ильинична, был представлен Сергеем Георгиевичем Лазутиным, Александром Ильичем Кретовым и Гелием Федоровичем Бирюковым. Очень разные, они дополняли друг друга и создавали неповторимый облик кафедры. Гелий Федорович обладал неподдельным педагогическим талантом. На первом курсе он вел «Введение в литературоведение» и приобщал студентов к таинствам будущей профессии. Делал он это блистательно. Каждое занятие предлагало нам новую пищу для размышлений: является ли фильм «Семнадцать мгновений весны» произведением искусства, в чем ценность полотен Нико Пиросмани... Эти вопросы, казалось бы не имеющие непосредственного отношения к литературоведению, учили нас самостоятельно думать, постигать радость интеллектуального труда. Помню, когда наша группа решила самостоятельно изучать историю живописи, мы обратились к Гелию Федоровичу. И он, не раздумывая, согласился давать нам дополнительные занятия, не входящие в сетку расписания. Он определял тему, приносил из личной коллекции редкие в советские времена художественные альбомы с репродукциями выдающихся живописцев, а мы делали доклады. Это были поразительно интересные и неформальные по духу занятия.

Сердцем факультета был деканат. В те годы его возглавлял Иван Степанович Торопцев — редкий тип нена начальственного руководителя. Ни громового голоса, ни повелительных интонаций, ни барствственности в осанке не было у Ивана Степановича. Норма интеллигентности — несуетность и достоинство — определяли его стиль управления факультетом. Вельмира Ивановна Дьякова — бессменная помощница декана. Она не просто помнила всех нас по именам, но, кажется, знала всю подноготную, включая потаенные мысли. Ничто не могло укрыться от зоркого глаза Вельмиры Ивановны, но и за помощью в студенческих и житейских делах мы спешили к ней — хозяйке деканата. Помню Вельмиру Ивановну как руководителя диалектологической практикой. С каким пристальным вниманием она следила за нашей работой и как бережно хранила в памяти впечатления, лица, зарисовки с натуры! В ее рассказах о многолетней практической работе студентов и встречах с местными жителями было так много тепла и уважения к обычным труженикам, крестьянам, что, слушая их, и мы учились пристальнее всматриваться в случайные встречи, замечать неповторимые слова, фразы, удивительные человеческие типажы. Ей помогала Мария Тихоновна Авдеева. Очень домашняя и светлая, она умело помо-

гала наладить наш нехитрый практикантский быт, а по вечерам вместе с нами проникновенно пела народные песни.

Замечательная способность филфака — притягивать сердца. Каждый раз, очутившись в знакомых коридорах, я испытываю радость узнавания: я дома, среди людей, мне дорогих и близких. Знаю, что то же чувствуют мои однокурсники. Пару лет назад, отмечая юбилейную дату окончания вуза, собрались мы в родном корпусе. Глазами друзей взглянула я на привычный пейзаж и заметила, как изменился облик кафедр и аудиторий. Мы решили отыскать что-нибудь от наших времен. И нашли! Это был паркет на втором этаже! Вышербленный, облезлый, давным-давно не вошенный, он обрадовал нас, как давний друг. Еще бы! Ведь именно по этим половицам бежали мы на занятия. Казалось, не только мы, но и он узнал нас тогда!

В 80-е не отпояхали споры физиков и лириков. Неприметные в повседневной вузовской жизни, они разгорались на студенческих «Веснах». Победить хор физиков (кто сочинял для них лихие песни в КВНовском духе?) было для филологов делом чести. Атаку возглавлял Лев Ефремович Кройчик. «Весна» в те годы была честным противоборством студентов, не отягощенных профессиональной поддержкой сценаристов. Да при наличии Кройчика это было и ни к чему. Он заменял собой всех: режиссера, автора миниатюр, концертмейстера, руководил репетициями, организовывал сценическое действие. Без его неукротимой энергии филфаковские «Весны» погибли бы. И пусть мы не всегда побеждали физиков, но не уронить звание факультета с классическими традициями удавалось всегда.

Мы успели застать блистательных лингвистов: Антонину Ивановну Чижик-Полейко, Валентину Ивановну Сабинникову, Игоря Павловича Распопова, Раису Куприяновну Кавецкую, Василия Алексеевича Скогорева, Валентину Васильевну Нефедченко, Клару Петровну Ленченко, Евгения Семеновича Воропаева, Валентину Федоровну Аскоченскую. Одних уже нет в живых, другие — на пенсии. Без них факультет словно осиротел. Да, профессиональный уровень поддержали молодые ученые, новые сотрудники, но я убеждена, что бывают невозполнимые потери, точнее ни одна из человеческих потерь не восполнима.

Из той славной плеяды языковедов сегодня факультет украшают Иосиф Абрамович Стернин и Зинаида Даниловна Попова. Стернин, как хороший музыкант, захватывал слушателей с первых минут. Мы прежде не могли себе даже вообразить, насколько увлекательной

могла быть лингвистика! Мои литературоведческие пристрастия для меня самой были очевидны, но и я, поддавшись общему восторгу, схватила тему по психолингвистике и с воодушевлением делилась на научном обществе учащимся результатами исследования. Да и трудно отыскать на нашем курсе человека, не подпавшего под сильнейшее обаяние личности Стернина. Зинаида Даниловна — человек величайшей скромности. Помню, как на одном из ее юбилеев, после многоречивых чувствований и поздравлений, она поблагодарила выступавших: «Спасибо, дорогие коллеги, сегодня я узнала о себе много нового и интересного», — и тем смягчила чрезмерную торжественность вечера.

Многих из наших педагогов уже нет среди нас. Ушла и Екатерина Григорьевна Мушенко, мой научный руководитель. Говорят, первым забывается голос умершего. Не знаю, так ли это. Я помню не только голос, но и интонацию ее речи, заставлявшую не слушать, а вслушиваться в каждое произнесенное слово. А. Ахматова заметила однажды: «Когда человек умирает, изменяются его портреты. По-другому глаза глядят, и губы улыбаются другой улыбкой». Удивительно точное наблюдение. А еще я заметила, что меняется значение произнесенных когда-то слов, точнее в них открывается дополнительный смысл. Когда я читала книги Мушенко при ее жизни, точно знала, о ком и о чем они: о творчестве Алексея Толстого, Бунина, Чехова. Теперь же мне кажется, что это книги и о ней самой. Великих собеседников выбирала она для размышлений о природе художественного творчества, по ним сверяла свои измерения жизни и, возможно, себя. Думаю, это и придавало ее речам высоту звучания и чистоту тона. Помню, как она сказала одному поэту: «Вам не нужно писать стихи: у Вас нет чувства слова». Меня поразили тогда ее прямота и смелость. Думаю, не все способны пренебречь деликатностью ради принципиальных соображений. Я не слышала от Екатерины Григорьевны расплывчатых формулировок, не видела профессионального компромисса. Помню, что меня, аспирантку, на конференциях она представляла не иначе, как «моя коллега», и это было для меня той нравственной школой, которая формирует в человеке не профессионализм, но личность.

Из встающих перед глазами дорогих лиц, ушедших и ныне живущих, слагается портрет факультета, не записанный новыми изображениями, не поблекший с годами. А значит, вновь «время, столкнувшись с памятью, узнает о своем беспорядке» (И. Бродский).